

18+

Валя Винтер

Пункт №4: никаких чувств



Валя Винтер

Пункт №4: никаких чувств

«Издательские решения»

Винтер В.

Пункт №4: никаких чувств / В. Винтер — «Издательские решения»,

— Мне нужна жена. На один год. По контракту. Она продала год своей жизни, чтобы спасти бизнес и брата. Он купил себе жену, чтобы заработать еще больше денег. Никто не планировал влюбляться. Контракт был прост: год фиктивного брака, отдельные спальни и пункт №4 — «никаких чувств». Но когда на кону стоит миллионы и безупречная репутация, а сердце отказывается играть по правилам, даже самые продуманные сделки трещат по швам.

© Винтер В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Стекланный потолок	6
Глава 2. Дьявол носит Bгiопi	14
Глава 3. Пункт №4: Никаких чувств	21
Глава 4. Переезд в аквариум	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Пункт №4: никаких чувств

Валя Винтер

© Валя Винтер, 2026

ISBN 978-5-0071-3991-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Стекло́нный потоло́к

Я ненавидела слово «перспективно».

Оно звучало как приговор, замаскированный под комплимент. «Перспективный проект», «перспективная идея», «перспективная девушка» — все это означало одно: сейчас — недостаточно хорошо, а будет ли хорошо потом — никто не гарантирует. Перспектива — это обещание, которое дают, когда не хотят платить.

Именно это слово я услышала пятнадцать минут назад от кредитного инспектора банка «Национальный капитал». Полноватый мужчина с зализанными волосами и бегаящими глазами сложил руки домиком на столе и посмотрел на меня с тем особым выражением, которое я научилась распознавать безошибочно. Так смотрят на безнадежно больных, когда хотят сообщить, что медицина бессильна, но стараются сохранить профессиональный оптимизм.

— Ваш проект, Алиса Сергеевна, безусловно, перспективный, — протянул он, и слово прозвучало как гвоздь, забиваемый в крышку гроба. — Но, поймите нас правильно, банк не может рисковать. У вас нет залогового обеспечения, оборотного капитала недостаточно, а рынок коммерческой недвижимости сейчас... — он сделал паузу, подбирая безопасное слово, — волатилен.

— Я не прошу у вас миллиард, — я заставила себя говорить спокойно, хотя внутри все сжималось от бессильной ярости. — Мне нужен кредит на реставрацию двух корпусов. Сумма скромная. У меня есть заказы на два года вперед. Есть договор с городской администрацией.

— Договор о намерениях, — поправил инспектор, постучав пальцем по папке. — Не контракт. Вы же понимаете разницу?

Я понимала. Я слишком хорошо понимала разницу между обещаниями и обязательствами. Между «мы подумаем» и «мы подписали». Между «перспективно» и «одобрено».

Я вышла из банка на залитую осенним солнцем улицу и на мгновение зажмурилась. Свет резал глаза, а в висках пульсировала тупая боль — верный спутник последних трех недель. Я достала телефон, посмотрела на список пропущенных звонков. Шесть от поставщика стройматериалов, три от прораба, два от риелтора, который уже неделю пытался выяснить, не готова ли я «рассмотреть альтернативные варианты использования площадей».

Альтернативные варианты. Еще один эвфемизм, за которым скрывалось: «Продай бизнес, пока не поздно».

Я прошла мимо витрины, в которой отражалась молодая женщина — светлое кашемировое пальто, собранные в низкий пучок каштановые волосы, слишком бледное лицо. Я поправила воротник и заставила себя расправить плечи. Я знала, как выгляжу в глазах других: успешная, уверенная, собранная. Владелица архитектурного бюро «Линия» в двадцать девять лет. Женщина, которая сама пробила себе дорогу в мире, где строительный бизнес по-прежнему считается мужской территорией.

Никто не видел, как я по ночам пересчитываю остатки на счетах, пытаюсь растянуть копейки на недели. Никто не знал, что офис в историческом центре держится на честном слове и личной договоренности с владельцем здания, которому я когда-то сделала проект реконструкции за символическую плату. И уж точно никто не догадывался, что три месяца назад я продала свою машину, чтобы заплатить зарплату сотрудникам.

Я добрела до маленького сквера возле офиса, села на скамейку и позволила себе минуту слабости. Просто минуту. Закрыла глаза, прислушалась к шуму города — сигналы машин, обрывки разговоров, шелест листвы. Где-то рядом пахло кофе, и этот запах вызвал такое острое желание оказаться в другой жизни, что перехватило дыхание.

Телефон завибрировал снова. Я машинально взглянула на экран: «Мама». Я помедлила секунду, прежде чем ответить.

— Алиса, привет! Ты занята? — голос матери звучал бодро, почти беззаботно, но я слишком хорошо знала эту интонацию, чтобы купиться.

— Уже нет. Что-то случилось?

— Нет-нет, все в порядке! — пауза. — Просто звонила Вера Павловна, ты ее помнишь, она еще приходила к нам на день рождения в прошлом году...

— Мам, — я мягко прервала, — говори прямо.

— У нее сын вернулся из Москвы. Очень приличный молодой человек, работает в фармацевтической компании. Она спрашивала, не согласишься ли ты... ну, познакомиться.

Внутри что-то устало опустилось. Я потеряла переносицу.

— Мам, мы это уже обсуждали.

— Я просто подумала... Тебе двадцать девять, Алиса. Я не давлю, но... Ты все время работаешь. У тебя никого нет. А годы идут.

— Спасибо, мам, — я постаралась, чтобы голос звучал тепло. — Но сейчас у меня правда нет времени на свидания. Может быть, через пару месяцев.

— Через пару месяцев ты скажешь то же самое, — вздохнула мать. — Ладно, я передам Вере Павловне, что ты занята. Она, конечно, расстроится, но что поделать.

Я попрощалась и положила телефон на колени. Мать не знала о проблемах с бизнесом — я берегла ее от этого. После смерти отца мама осталась одна, и я взяла на себя роль защитника, скрывая собственные трудности за ширмой «все под контролем». Иногда это было невыносимо тяжело.

Я встала и направилась к офису — старому трехэтажному зданию с лепниной на фасаде и скрипучими деревянными лестницами. «Линия» занимала третий этаж: просторное помещение с большими окнами, заставленное макетами, чертежами и образцами материалов. Пахло кофе, бумагой и тонким ароматом штукатурки.

Максим, молодой помощник архитектора, поднял голову от компьютера.
— Алиса Сергеевна, звонили из мэрии. Просили перезвонить по поводу тендера.

— Хорошо, спасибо.

Я прошла в свой кабинет — маленькую комнату с видом на сквер. Села за стол, установила на разложенные чертежи. Мой последний большой проект — реконструкция старого особняка под культурный центр — висел на стене. Красивые линии, продуманное освещение, современные материалы, вписанные в исторический контекст. Я выиграла тендер честно, обойдя крупные бюро. И теперь мне нужны были деньги на реализацию.

Первый банк отказал. Второй тоже. И третий по счету за полтора месяца.

Я вздохнула, открыла ящик стола и вытащила конверт, который пришел утром. Предложение от «Гранд-Строй» — крупного застройщика, который последние годы скупал мелкие архитектурные бюро по всей стране. Сумма была приличной, условия — кабальными. Продажа контрольного пакета, переход под бренд «Гранд-Строй», потеря права на собственные проекты. По сути — увольнение с собственного предприятия.

Я покачала головой и убрала конверт обратно. Зазвонил рабочий телефон. Я подняла трубку.

— Алиса Сергеевна, это Роман Аркадьевич, — голос владельца здания, пожилого человека с аристократическими манерами и хваткой акулы. — Вы не могли бы заехать ко мне на чай? Есть разговор.

Внутри похолодело. Роман Аркадьевич никогда не звал «на чай» просто так.

Через два часа я вышла из его дома с чувством, что земля уходит из-под ног.

Владелец здания, где располагался офис «Линии», сообщил, что получил предложение от «Гранд-Строй» выкупить объект. Сумму он назвал с извиняющейся улыбкой — как человек, который ничего не может поделать с обстоятельствами. У меня было три недели, чтобы найти новый офис, или... я сама понимала, что это значит.

— Простите, милочка, — сказал он, провожая меня до двери. — Я помню ваши заслуги. Но бизнес есть бизнес.

Я брела по вечернему городу, не разбирая дороги. Стемнело, зажглись фонари, и их свет отражался в лужах, оставшихся после дневного дождя. Я чувствовала, как сжимается сердце, как подступает паника, как хочется просто сесть на тротуар и заплакать.

Но нельзя. Не сегодня.

Вместо этого я зашла в круглосуточную кофейню, заказала самый дешевый эспрессо и открыла ноутбук. Нужно было проверить почту, ответить на письма, попытаться найти выход. Я умела это делать — стиснуть зубы и идти дальше, даже когда ноги подкашиваются.

В почте оказалось три новых письма. Одно от поставщика, который интересовался, когда я планирую погасить задолженность за материалы. Второе от прораба — он спрашивал про

задержку зарплаты. И третье... Я нахмурилась, увидев адрес отправителя. «МД Холдинг» — одна из крупнейших инвестиционных компаний страны. Я не имела с ними дел.

Открыла письмо. Короткий текст в официальном стиле: «Уважаемая Алиса Сергеевна! Просим Вас рассмотреть возможность личной встречи с председателем совета директоров МД Холдинг Виктором Анатольевичем Соболевым. Встреча может быть организована в удобное для Вас время. Просим сообщить о Вашей заинтересованности до конца недели».

Я перечитала письмо трижды, пытаюсь понять, что это значит. Почему один из богатейших людей страны — человек, которого в прессе называли «циничным гением инвестиций», — захотел встретиться со мной? Владелицей маленького бюро, которая едва сводит концы с концами?

Возможно, это ошибка. Или розыгрыш. Или... ловушка.

Я проверила адрес отправителя, перешла на официальный сайт холдинга. Письмо выглядело подлинным — те же корпоративные цвета, тот же домен, та же подпись секретаря. Я откинулась на спинку стула и уставилась в потолок.

Через несколько минут я ответила: «Благодарю за приглашение. Готова встретиться в четверг в любое время».

Я не знала, что делаю. Но когда тонешь, хватаешься за любую соломинку.

Вечером того же дня я сидела в своей маленькой квартире в спальном районе и разбирала бумаги. Квартира досталась мне от бабушки — тридцать шесть квадратных метров, обставленных старой мебелью, которую я все не решалась выбросить. На подоконнике стоял кактус — подарок Максима, который шутил, что только это растение способно выжить в условиях моего графика.

Я пересчитала остаток на счете. Его хватало на аренду офиса (если успею найти новый), на зарплаты сотрудникам (если урезать премии) и на материалы (если договориться об отсрочке). Но не на все одновременно.

Телефон зазвонил. Я взглянула на экран: «Женя».

Бывший. Мы расстались полгода назад, после того как я застала его в постели с лучшей подругой. Я не отвечала на его звонки уже несколько месяцев, но он продолжал настойчиво набирать — как будто мое молчание было просто еще одной проблемой, которую нужно решить деньгами или уговорами.

Я сбросила звонок. Через минуту пришло сообщение: «Алис, это глупо. Давай поговорим как взрослые люди. Я могу помочь».

Помочь. Я горько усмехнулась. Да, он мог. У него был собственный бизнес, связи, деньги. Но я скорее закрою бюро, чем приму помощь от человека, который растоптал мое доверие.

Я отложила телефон и подошла к окну. За стеклом простирался вечерний город — море огней, машин, жизнью. Где-то там, в высотках из стекла и бетона, вершились судьбы. Там при-

нимали решения, подписывали контракты, ломали жизни. И где-то там, в одном из этих небоскребов, сидел человек, который вдруг зачем-то решил со мной встретиться.

Я не верила в случайности. Особенно в мире большого бизнеса.

Утро четверга выдалось холодным и пасмурным. Я надела строгий серый костюм, собрала волосы в тугий узел, нанесла минимум макияжа. Сегодня нужно было выглядеть так, как будто у меня все под контролем. Как будто я не провела ночь без сна, ворочаясь и прокручивая в голове возможные сценарии встречи.

Офис «МД Холдинга» располагался в самом центре, в сорокаэтажной башне из тонированного стекла, сверкающей даже в пасмурный день. Я поднялась по ступеням, прошла через вращающиеся двери и оказалась в просторном холле с мраморным полом и панорамными окнами.

— Алиса Сергеевна? — ко мне подошла молодая женщина с идеальной осанкой и вежливой улыбкой. — Меня зовут Анна, я помощница Виктора Анатольевича. Прощу за мной.

Мы поднялись на лифте на тридцать пятый этаж. Я мельком увидела открытое пространство офиса — ряды столов, людей, сосредоточенно смотрящих в мониторы. Все это было похоже на огромный муравейник, живущий по своим законам.

Анна провела меня в приемную — просторную комнату с диванами из белой кожи и огромной картиной на стене. Что-то абстрактное, в холодных синих тонах.

— Чай, кофе, вода? — спросила помощница.

— Вода, спасибо.

Я села на диван и огляделась. На журнальном столике лежали деловые издания. На обложке одного из них — знакомое лицо. Виктор Соболев смотрел в камеру с выражением спокойной уверенности. Широкие плечи, темные волосы с легкой проседью на висках, резкие черты лица. Ему было около сорока, но выглядел он моложе. Подпись гласила: «Человек, который не верит в эмоции».

Я перелистнула журнал, чтобы не смотреть на это лицо.

Дверь в кабинет открылась. Вышел мужчина лет пятидесяти с портфелем, быстро прошел через приемную и скрылся в лифте. Анна появилась следом.

— Виктор Анатольевич ждет вас, — она приглашающе указала рукой на дверь.

Я поднялась, расправила плечи и шагнула внутрь.

Кабинет был огромным — наверное, размером с мою квартиру. Панорамное окно занимало всю стену, открывая вид на город, теряющийся в утренней дымке. Мебель из темного дерева, кожаный диван, массивный стол. Минимализм, помноженный на деньги.

За столом сидел он. Виктор Соболев. В реальности он выглядел даже внушительнее, чем на фотографиях. Высокий, атлетично сложенный, в безупречном костюме цвета графита.

Белая рубашка, темный галстук. Он поднял голову, когда я вошла, и посмотрел на меня — спокойно, оценивающе, без тени приветливости.

— Алиса Сергеевна, — его голос оказался глубже, чем я ожидала. — Спасибо, что нашли время. Прошу, садитесь.

Я подошла к столу и села в кресло напротив. Спина прямая, руки на коленях. Мне было не по себе, но я не собиралась этого показывать.

— Я бы хотел обсудить с вами деловое предложение, — продолжил он, откинувшись на спинку кресла. — Возможно, оно покажется вам необычным.

— Я слушаю.

Он помолчал, изучая мое лицо. Взгляд у него был тяжелый, пронизывающий. Так смотрят на вещь, которую прицениваются купить.

— У меня есть информация, что ваше бюро испытывает финансовые трудности, — сказал он наконец. — Не буду спрашивать, насколько она точна. Скажу лишь, что я готов эти трудности решить.

Я удивленно вскинула брови.

— И что вы хотите взамен?

— Взамен? — он чуть усмехнулся, но глаза остались холодными. — Мне нужна жена. На один год. По контракту.

Я подумала, что ослышалась.

— Простите?

— Вы не ослышались, — Виктор произнес это спокойно, как будто речь шла о погоде. — У меня сложилась определенная ситуация, требующая наличия стабильного брака. Это необходимо для завершения крупной сделки. Инвесторы... скажем так, консервативны. Им нужен человек, который выглядит надежным, семейным, остепенившимся.

Я смотрела на него, не в силах найти слова.

— Вы, — продолжил он, — отвечаете всем требованиям. Умны, привлекательны, без разводов, без детей, с хорошей репутацией — я навел справки. У вас есть дело, которое вы не хотите терять. Я готов заплатить. Сумма покроет все ваши долги и оставит приличный запас.

Я наконец смогла заговорить, и голос мой прозвучал резче, чем хотелось бы.

— Вы предлагаете мне... продаться?

— Я предлагаю вам сделку, — поправил он с той же спокойной уверенностью. — Вы получаете спасение вашего бизнеса. Я получаю год брака, который существует только на бумаге и в глазах общественности. Никаких чувств, никаких обязательств сверх оговоренных. Раздельные спальни, раздельные жизни. Через год — развод, и каждый идет своей дорогой.

Я почувствовала, как кровь прилила к щекам. Это было унижительно. Оскорбительно. Но в то же время... в то же время где-то в глубине сознания раздался холодный, расчетливый голос: «А что тебе терять?».

— Спасибо, — сказала я, поднимаясь. — Я не продаюсь.

— Подумайте, — сказал он, не двигаясь. — У вас мало времени. Впрочем, как и у меня.

Я пошла к двери, чувствуя спиной его взгляд.

— Алиса Сергеевна.

Я остановилась, но не обернулась.

— Моя помощница отправит вам проект контракта. Ознакомьтесь. Если передумаете — позвоните.

Я вышла из кабинета, прошла через приемную, нажала кнопку лифта. Руки дрожали. Я сжала их в кулаки, глубоко вздохнула. В лифте я прислонилась к стене и закрыла глаза.

Через год — развод. Раздельные спальни. Никаких чувств.

Я вспомнила мать, которая мечтала выдать меня замуж. Вспомнила Женю, который предлагал «помочь». Вспомнила лицо кредитного инспектора и его гадливо-извиняющееся «перспективно».

И подумала: а что, если это единственный шанс?

Телефон завибрировал — пришло письмо. Я открыла его и увидела вложение: «Проект брачного контракта. Конфиденциально».

Я спустилась на первый этаж, вышла на улицу и направилась к метро. Внутри все кипело. Я ненавидела его за это предложение. И ненавидела себя за то, что не удалила письмо сразу.

«Перспективно», — всплыло в памяти. — «Очень перспективно».

Ночью мне не спалось. Я лежала в темноте, глядя в потолок, и прокручивала в голове разговор. «Мне нужна жена. На один год. По контракту». Это звучало как сценарий дешевого фильма. Но это была реальность.

Я включила ноутбук и нашла в интернете информацию о Викторе Соболеве. Биография, статьи, интервью. Человек-машина. Построил империю с нуля, никогда не давал интервью о личной жизни, избегал светских мероприятий. Поговаривали, что много лет назад он был помолвлен с дочерью влиятельного чиновника, но свадьба сорвалась. Причины не разглашались.

Я закрыла ноутбук и уставилась на стену. Где-то за окном выла сигнализация, в соседней квартире плакал ребенок, вдалеке гудела трасса. Обычные ночные звуки. Но сегодня они казались какими-то чужими, далекими.

Я подумала о своем бюро. О Максиме, который верит в меня. О матери, которая всегда гордилась дочерью. О чертежах на стене кабинета — красивых, умных, но так и не реализованных.

И о том, что будет, если я откажусь.

Ответ пришел сам собой: ничего не будет. Банкротство, потеря офиса, увольнение сотрудников. Долги, которые придется отдавать годами. И позор, который ляжет на плечи.

А если соглашусь?

Я передернула плечами, словно от холода. Продаться мужчине за деньги — что это, как не древнейшая профессия, только в современной упаковке?

Но разве я не продаю себя каждый день? Разве не делаю то, что нужно, а не то, что хочется? Разве не улыбаюсь заказчикам, которых презираю, не подписываю бумаги, которые не одобряю, не молчу, когда хочется кричать?

Я повернулась на бок и уткнулась лицом в подушку.

«Я просто посмотрю контракт», — сказала я себе. — «Просто посмотрю. Это ничего не значит».

Я открыла письмо и начала читать.

Проект был составлен на двадцати трех страницах. Я читала внимательно, вникая в каждую строчку, и с каждой минутой мне становилось все яснее: Виктор Соболев не оставил ни одной случайности. Все продумано до мелочей. Обязанности сторон, график публичных выходов, правила поведения, условия развода, финансовая компенсация. Сумма, указанная в конце документа, заставила меня на мгновение перестать дышать.

Этих денег хватило бы не только на спасение бюро, но и на покупку нового офиса, на расширение, на годы спокойной работы. Я могла бы не думать о кредитах, не бояться завтрашнего дня, не вздрагивать от каждого звонка.

Но взамен — год жизни под контролем чужого человека. Год лжи. Год притворства. Я закрыла ноутбук и долго сидела в темноте, глядя перед собой.

«Никаких чувств», — вспомнила я его слова. — «Раздельные спальни».

Я усмехнулась. Это, пожалуй, единственное условие, которое не вызывало у меня протеста. Меньше всего на свете мне сейчас нужны были чьи-то прикосновения.

Под утро я приняла решение. Точнее, поняла, что решение уже принято за меня — обстоятельствами, отчаянием, усталостью. Я напишу ответ. Соглашусь на встречу. Обсужу детали. А там будь что будет. В конце концов, что мне терять? Сердце я уже потеряла давно. Осталось только дело, ради которого стоит жить.

И ради него я готова была пойти на сделку с дьяволом.

Глава 2. Дьявол носит Brioni

За десять минут до назначенной встречи я стояла перед зеркалом в туалете бизнес-центра и пыталась убедить себя, что выгляжу достойно. Черное платье-футляр, купленное два года назад для конференции и с тех пор висевшее в шкафу, сидело безупречно. Лодочки на высокой шпильке, которые я надела скорее для уверенности, чем для красоты, добавляли роста. Волосы, собранные в низкий гладкий пучок, придавали лицу строгость, почти суровость.

Я провела ладонью по подолу, разглаживая невидимые складки, и встретила с собственным отражением. Глаза выдавали меня — слишком блестящие, слишком напряженные, несмотря на тщательно нанесенный макияж. Но с этим я ничего не могла поделать. Слишком многое стояло на кону.

Вчера вечером, после мучительных раздумий, я ответила на письмо. Коротко, по-деловому: «Готова встретиться для обсуждения деталей, 15:00». Ответ пришел через семь минут — не от Анны, а от самого Виктора. Еще короче: «Жду». И адрес — не офисный центр, а ресторан в деловом квартале, о котором я читала в светской хронике, но никогда не бывала.

Я вышла из туалета и направилась к лифту. Каблуки стучали по мраморному полу, и этот ритм успокаивал — как метроном, отсчитывающий последние секунды перед прыжком.

Ресторан располагался на последнем этаже небоскреба. Я назвала свое имя администратору, и тот проводил меня через полупустой зал с приглушенным светом и панорамными окнами. За стеклом раскинулся город — серый, подернутый дымкой, весь в огнях, которые только начинали загораться то тут, то там.

Виктор уже был там. Он сидел за угловым столиком, листая что-то в планшете. Когда я подошла, он поднял голову и скользнул по мне взглядом — быстро, оценивающе. Я почувствовала, как внутри вспыхнуло раздражение. Он смотрел на меня как на товар, который пришел осмотреть перед покупкой.

— Пунктуальность — хороший знак, — произнес он вместо приветствия. — Садитесь.

Я села. Спина прямая, подбородок приподнят. Нельзя показывать, что мне не по себе.

— Я просмотрела ваш контракт, — начала я, когда официант принял заказ и отошел.

— И? — Виктор откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди. Его поза была расслабленной, но взгляд оставался острым, цепким.

— У меня есть вопросы.

— Слушаю.

Я выдержала паузу, пытаюсь собраться с мыслями. Я репетировала этот разговор всю ночь, но теперь, глядя в эти холодные серые глаза, все заготовленные фразы казались бессмысленными.

— Первое: пункт о отдельных спальнях. Насколько это... обязательно?

Виктор вскинул бровь, и на его губах мелькнуло подобие усмешки.

— Надеюсь, вы не рассчитываете на супружеские обязанности, Алиса Сергеевна? — произнес он с оттенком иронии. — Поверьте, я не из тех мужчин, кому нужно покупать женщину в постель.

Кровь снова прилила к щекам.

— Я не о том. Просто обстановка... Ваш персонал, например. Если мы живем отдельно, как объяснить это прислуге?

— У меня нет прислуги с проживанием. Приходящая уборщица — три раза в неделю. Охрана — за пределами квартиры. Внутри мы будем одни.

— Ясно, — я кивнула, стараясь не показать облегчения. — Второе: моя работа. В контракте сказано, что я должна сопровождать вас на мероприятиях. Это понятно. Но у меня свой бизнес. Я не могу исчезать по первому звонку.

Виктор наклонил голову, рассматривая меня с интересом.

— Ваш бизнес, — повторил он медленно. — Архитектурное бюро «Линия». Тридцать сотрудников. Специализация — реконструкция исторических зданий. Текущий проект — культурный центр в бывшем особняке купца Бронникова. Верно?

Я опешила. Я ожидала, что он многое знает, но не думала, что настолько подробно.

— Верно, — ответила я осторожно.

— Я не собираюсь мешать вашей работе, — Виктор отпил из стакана с водой, не сводя с меня глаз. — Публичные появления будут согласовываться заранее. Форс-мажоры — по договоренности. Мне нужна жена, а не рабыня.

— Как удобно, — вырвалось у меня, и я тут же пожалела о сказанном.

Виктор усмехнулся — на этот раз почти искренне.

— Вы язвительны. Это хорошо. Ненавижу, когда люди притворяются милыми.

— Я думала, вам как раз нужно притворство.

— Мне нужен фасад, — поправил он. — Для внешнего мира. Но внутри... — он сделал паузу. — Внутри я предпочитаю честность. Даже если она неудобна.

Официант принес заказ. Я не стала есть — аппетита не было. Я смотрела, как Виктор методично нарезает стейк, и пыталась понять, что за человек сидит передо мной. В его движениях было что-то механическое, выверенное до миллиметра. Ни одного лишнего жеста, ни одной случайной паузы.

— Третье: моя семья, — сказала я. — У меня мать. Она не должна узнать правду.

— Разумеется. Для всех мы будем настоящей парой. История знакомства будет проработана. Я пришлю вам легенду.

— Легенду? — переспросила я.

— Да. Как мы познакомились, как развивались отношения, почему решили пожениться. Чтобы не было расхождений в деталях.

Я вдруг почувствовала усталость. Вся эта ситуация — абсурдная, сюрреалистичная — начинала давить на меня. Я сидела в дорогом ресторане напротив миллиардера, обсуждая фиктивный брак, как будто речь шла о деловой сделке. Впрочем, так и было.

— Зачем вам это? — спросила я, отодвигая тарелку. — Неужели нельзя найти кого-то... более подходящего? Актрису, модель? Женщину, которая привыкла играть на публику?

Виктор отложил приборы и посмотрел на меня.

— Актрисы вызывают вопросы. Модели — еще больше. Мне нужна женщина с репутацией, с реальным бизнесом, с историей, которую нельзя раскопать и опровергнуть. Вы идеальны.

— В чем же?

— Вы настоящая, — произнес он, и в его голосе впервые мелькнуло что-то похожее на уважение. — У вас есть дело, которое вы любите. Есть принципы. Есть гордость, которая не позволяет вам броситься мне на шею при первом предложении. Такое не подделать.

Я отвела взгляд. Compliment — если это можно было назвать комплиментом — смутил меня.

— Четвертое: деньги, — сказала я после паузы.

— Что с ними?

— Я не хочу получать всю сумму авансом. Мне нужно, чтобы долг передо мной был закрыт у вас. Сумма будет перечислена тремя траншами — после подписания контракта, через шесть месяцев и после развода.

Виктор усмехнулся.

— Довольно расчетливо для женщины, которая «не продается».

— Я должна защищать себя, — отрезала я.

— Похвально. Согласен. Три транша.

Он произнес это так легко, что я на мгновение засомневалась, не продешевила ли я. Сумма, указанная в контракте, была огромной — настолько огромной, что я до сих пор не могла осознать ее масштаб. Но для него, судя по всему, это были копейки. Расход на содержание игрушки.

— Пятое: конфиденциальность, — продолжила я. — Наш договор никогда не должен всплыть. Если информация просочится — сделка расторгается, деньги остаются у меня, репутационные потери ложатся на вас.

Виктор поднял бровь.

— Неплохо. Вы торгуетесь, как опытный адвокат.

— Я не могу позволить себе иначе.

Он кивнул, соглашаясь.

— Хорошо. Конфиденциальность включим отдельным пунктом. Что-нибудь еще?

Я помедлила. Я знала, что должна спросить, но слова давались с трудом.

— Почему я? — спросила я наконец. — По-настоящему. Не по списку требований и репутации. Почему именно вы выбрали меня?

Виктор долго смотрел на меня. За окном сгущались сумерки, и его лицо казалось высеченным из скалы — резкие черты, жесткая линия челюсти, тени под скулами.

— Я впервые увидел вас на форуме «Архитектура будущего», — произнес он неожиданно. — Два года назад. Вы выступали с докладом о сохранении исторического наследия. Помните?

Я нахмурилась. Форум я помнила смутно — слишком много событий, слишком много лиц. Но то выступление...

— Вы там были? — удивилась я.

— Был. Стоял в заднем ряду. Вы говорили о том, что старые здания — это не просто стены, а память общества. Что, снося их, мы стираем историю. И что коммерческая выгода не должна заслонять смысл.

Я молчала, не зная, что ответить. Воспоминание о том дне всплыло в памяти — волнение перед выступлением, яркий свет софитов, ощущение, что меня никто не слушает.

— Знаете, почему я запомнил вас? — продолжил Виктор. — Не потому, что вы были правы. А потому, что вы верили в то, что говорили. Искренне. Без расчета. Это... редкость.

Его голос дрогнул на последнем слове, но тут же снова стал ровным.

— Прошло два года, — заметила я. — И вы обо мне вспомнили?

— Я не забываю людей, которые производят впечатление.

Он произнес это так буднично, что я не сразу поняла скрытый смысл. А когда поняла — внутри что-то сжалось. Он помнил меня два года. Следил? Наблюдал? Или просто держал в памяти как возможный вариант?

— Это не ответ на вопрос, — сказала я тихо.

— Это единственный ответ, который я готов дать.

Официант принес десерт. Я рассеянно смотрела на тарелку с муссом, пытаюсь переварить услышанное. Я привыкла к тому, что мою работу ценят — коллеги, клиенты, редкие поклонники. Но слышать это от человека, который никогда не сделал бы комплимента просто так, было странно. Тревожно.

— Я хочу взять паузу, — произнесла я, поднимаясь. — Еще раз все обдумать.

Виктор не двинулся с места.

— Сколько времени вам нужно?

— Два дня.

— Хорошо. Но учтите: в понедельник я должен дать ответ инвесторам. Если вы откажетесь, я выберу другую кандидатуру.

Меня передернуло. «Другую кандидатуру» — как будто речь шла о выборе мебели.

— Я помню, — холодно ответила я.

— И вот еще что, — добавил он, когда я уже направилась к выходу. — Проект контракта, который вы читали, — это лишь базовая версия. Мои юристы могут внести правки. Но есть одно условие, которое не подлежит обсуждению.

Я обернулась.

— Никаких эмоций, — произнес Виктор, чеканя каждое слово. — Никакой романтики. Никаких «случайных» прикосновений и «неожиданных» чувств. Это сделка. Не более.

Я почувствовала, как губы сами складываются в усмешку.

— Не беспокойтесь, — ответила я. — Меньше всего на свете я собираюсь в вас влюбляться.

Я вышла из ресторана, чувствуя, как колотится сердце. На улице было промозгло, пахло дождем. Я подняла воротник пальто и зашагала в сторону метро, пытаясь унять дрожь в руках.

Дома меня ждал сюрприз.

Я открыла дверь квартиры и замерла на пороге. Из кухни доносились голоса — женский смех и мужской баритон. Я вошла, настороженно прислушиваясь, и увидела мать, сидящую за столом с неизвестным мужчиной.

— Алиса! — мама всплеснула руками, поднимаясь. — Ты рано! А мы тут чаевничаем...

Незнакомец тоже встал. Мужчина лет тридцати пяти, приятной внешности, в дорогом свитере и с улыбкой, которая могла бы показаться обаятельной, если бы не легкий холодок в глазах.

— Роберт, — представился он, протягивая руку. — Роберт Ильин. Ваша мама так много о вас рассказывала.

Я осторожно пожала его руку, переводя взгляд на мать.

— Роберт — мой новый сосед, — пояснила та, слегка смущаясь. — Переехал на прошлой неделе. Помог мне донести сумки из магазина, слово за слово...

— Я зашел тогда, — перебил Роберт с улыбкой, — и Людмила Петровна угостила меня пирожками. Сегодня пригласила тоже с собой в гости. Соблазн был слишком велик.

Я перевела взгляд на стол. Действительно, там стояла тарелка с домашними пирожками, из-за которых мать, судя по всему, и приехала ко мне без предупреждения.

— Понятно, — произнесла я, стараясь не выдать раздражения. — Очень приятно, Роберт.

— Взаимно, — он улыбнулся еще шире. — Вы даже красивее, чем на фотографиях.

Я вопросительно посмотрела на мать.

— Я показывала наши семейные снимки, — смущенно пояснила Людмила Петровна.

«Прекрасно, — подумала я. — Моя мать уже знакомит постороннего мужчину с семейным альбомом».

— Роберт как раз собирался уходить, — заторопилась мать, видимо, заметив выражение моего лица. — Да, Роберт?

— Конечно, — он галантно поклонился. — Не буду мешать вашему вечеру. Рад знакомству, Алиса. Людмила Петровна, спасибо за чай.

Когда дверь за ним закрылась, я повернулась к матери.

— Мам, что это было?

— Ничего! — Людмила Петровна принялась убирать со стола, избегая моего взгляда. — Просто сосед. Очень вежливый, между прочим. И одинокий.

— Мам...

— А что такого? — мать остановилась, уперев руки в бока. — Тебе двадцать девять, Алиса. Я уже не знаю, как тебя заставить. Вокруг полно приличных мужчин, а ты сидишь в своей работе, как в раковине.

— Я не сижу в раковине, — устало произнесла я. — Просто у меня другие приоритеты.

— Какие? — мать шагнула ближе. — Бизнес, который едва держится на плаву? Я же вижу, как ты выматываешься. Думаешь, я не замечаю круги под твоими глазами? Думаешь, не слышу, как говоришь по телефону, когда приходишь ко мне в гости и отходишь в ванную?

Я молчала. Мне нечего было возразить.

— Я просто хочу, чтобы у тебя был кто-то, — тише добавила мать. — Кто-то, кто поддержит. Кто-то, с кем можно разделить эту ношу.

Я едва не рассмеялась. Ирония судьбы была слишком горькой.

— Не беспокойся, мам, — сказала я, обнимая мать. — У меня все под контролем.

Ночью я снова не могла уснуть. Лежала в темноте и думала о предложении Виктора. О его словах про форум двухлетней давности. О том, как он смотрел на меня — холодно, оценивающе, но с каким-то странным интересом.

«Я не забываю людей, которые производят впечатление».

Что это значило? Он действительно помнил мое выступление? Или это просто часть легенды, которую он заранее проработал для будущей «жены»?

Я перевернулась на спину и уставилась в потолок.

В голове крутились цифры. Сумма контракта, разделенная на двенадцать месяцев. Аренда нового офиса. Зарплаты сотрудникам. Закупка материалов. Остаток — на депозит, на случай непредвиденных расходов. Я все это просчитала еще вчера, так же лежа без сна. Вышло, что год с Виктором Соболевым полностью решал мои проблемы. Более того — давал возможность расти, развиваться, выйти на новый уровень.

Но цена...

Я вспомнила фразу из контракта: «Стороны обязуются не вступать в интимные отношения, за исключением случаев, предусмотренных публичными мероприятиями». «Публичные мероприятия» — это поцелуи, объятия, держание за руки. Все по расписанию. Все под контролем.

Я закрыла глаза.

«Это всего лишь год», — прошептала я про себя. — «Всего лишь год. Как в армии. Потом я вернусь к своей жизни и забуду об этом, как о страшном сне».

Я повторяла эту мантру до тех пор, пока не провалилась в беспокойный сон, полный размытых образов и чужих голосов.

Утром в субботу я отправила сообщение.

«Я согласна. Готова подписать контракт в понедельник».

Через две минуты пришел ответ.

«Умное решение. Машина будет у вашего дома в 9:00. Анна встретит вас в офисе».

И все. Ни «спасибо», ни «рад». Сухо, по-деловому.

Я положила телефон на стол и долго смотрела на экран, пока тот не погас. Потом подошла к окну, распахнула шторы и впустила в комнату серый утренний свет.

Где-то вдалеке, за крышами домов, высилась стеклянная башня «МД Холдинга». Я смотрела на нее, как на дверь, за которой начинается другой мир. Мир, в котором нет места слабости. Мир, где правят деньги, власть и холодный расчет.

И я собиралась войти в этот мир. По собственной воле. В понедельник.

Глава 3. Пункт №4: Никаких чувств

Понедельник начался с дождя.

Я стояла у окна в своей квартире и смотрела, как капли стекают по стеклу, оставляя извилистые дорожки. Город за окном расплывался в серой пелене, и в этом было что-то символичное — как будто сама природа размывала границы между тем, что было раньше, и тем, что начнется через несколько часов. Я поправила манжету белой блузки и глубоко вздохнула.

Решение было принято. Обратной дороги нет.

Телефон завибрировал — сообщение от Анны: «Машина будет у подъезда через пятнадцать минут. Черный Mercedes S-класса, номер А 777 КХ». Я хмыкнула. Даже в таких мелочах сквозила выверенная до абсурда организованность. Мне стало интересно, есть ли в жизни Виктора Соболева хоть что-то, не подчиненное регламенту.

Я вышла из подъезда ровно в тот момент, когда у тротуара остановился длинный черный автомобиль, блестящий от дождя. Водитель — немолодой мужчина в строгом костюме — вышел и вежливо открыл заднюю дверь.

— Доброе утро, Алиса Сергеевна.

— Доброе, — ответила я, скользнув внутрь.

Салон встретил меня запахом дорогой кожи и едва уловимой прохладой кондиционера. Я откинулась на спинку сиденья, поправила сумку на коленях и закрыла глаза. Город пронёсся за тонированными стеклами — мокрые улицы, прохожие с зонтами, бесконечный поток машин. Я чувствовала себя пассажиром не только этого автомобиля, но и собственной судьбы. Меня везли подписывать документ, который изменит все.

Но разве не этого я хотела? Разве не сама ответила «согласна»?

Автомобиль остановился у башни «МД Холдинг». Анна уже ждала у входа — с улыбкой, от которой у меня вдруг заняло под ложечкой. Слишком эта улыбка была правильной. Слишком профессиональной.

— Виктор Анатольевич ожидает вас в переговорной, — произнесла Анна, когда мы поднимались в лифте. — Юристы уже на месте. Процедура займет около часа.

— Как эффективно, — сухо заметила я.

Анна улыбнулась чуть шире.

— Мы ценим ваше время.

Переговорная находилась на том же тридцать пятом этаже, но в другом крыле. Я прошла по коридору с панорамными окнами и остановилась перед массивной дверью из темного дуба. Анна распахнула ее, и я шагнула внутрь.

Первое, что я увидела, — длинный стол, за которым сидели трое мужчин в дорогих костюмах. Перед каждым — раскрытые папки, ноутбуки, стаканы с водой. Второе, что я заме-

тила, — Виктор. Он стоял у окна, спиной к двери, заложив руки за спину. Услышав шаги, обернулся.

— Алиса Сергеевна, — он окинул меня быстрым взглядом, задержавшись на лице на долю секунды дольше, чем следовало. — Присаживайтесь.

Я села в кресло, указанное Анной, и положила руки на стол. Юристы зашевелились, раскладывая документы. Один из них — седовласый мужчина с усталым лицом — начал монотонно объяснять процедуру: «Проект контракта предварительно согласован сторонами... Все изменения внесены... Требуется подпись на каждой странице... Итоговая копия будет передана на хранение...»

Я слушала вполуха, наблюдая за Виктором. Он сел напротив — не во главе стола, а именно напротив, так, чтобы я видела его лицо. И это было не случайно. Он хотел контролировать мою реакцию. Каждое движение, каждый вздох.

— Прежде чем мы начнем, — произнес он, и юрист мгновенно замолчал, — я хочу озвучить несколько пунктов лично.

Я кивнула.

— Первое: пункт о раздельном проживании. Вам выделяется отдельная спальня в моей квартире. У вас будет собственный ключ, собственный санузел, собственное пространство. Входить в вашу комнату я не имею права. Входить в мою — вы тоже. Это не обсуждается.

— Я читала контракт, — холодно ответила я.

— Просто напоминаю, — в его голосе мелькнул металл. — Второе: публичные проявления. Они прописаны в приложении. Поцелуи — не чаще одного за мероприятие. Объятия — по ситуации, но не более трех секунд. Держание за руки — допускается, но только при входе и выходе из залов.

Я почувствовала, как внутри поднимается волна протеста.

— Вы составили расписание наших прикосновений? — спросила я с сарказмом. — Может, введете систему штрафов за лишние объятия?

— Неплохая идея, — произнес Виктор без тени улыбки. — Я подумаю над этим.

Я сжала зубы. Он действительно не понимает, насколько это унижительно? Или понимает — и получает удовольствие?

— Третье: ревность, — продолжил он. — Запрещена. Вы не имеете права устраивать сцены, предъявлять претензии или каким-либо образом выражать недовольство моим общением с другими женщинами. Аналогично — с моей стороны по отношению к вам.

— Я и не собиралась, — отрезала я.

— Вот и прекрасно. Четвертое: эмоции, — Виктор выделил это слово паузой. — Это самый важный пункт. Любые проявления чувств за пределами публичных мероприятий недопустимы. Вы не признаетесь мне в любви. Я не признаюсь вам. Вы не обижаетесь, не плачете, не ждете от меня поддержки. Если вам нужна жилетка для слез — наймите психолога.

Я молчала, глядя ему прямо в глаза. Каждое слово было как удар хлыста — точно выверенный, бьющий по самому чувствительному. Но я не собиралась показывать раздражение. Не дождется.

— Пятое: личное время. Оно неприкосновенно. Если я не пригласил вас на ужин — вы ужинаете одна. Если я не позвал вас на мероприятие — вы остаетесь дома. Мои дела — мои дела. Ваши дела — ваши. Пересечение возможно только по взаимной договоренности.

Я почувствовала, как щеки вспыхнули. Я медленно поднялась, опираясь ладонями на стол.

— А вы знаете, — произнесла я тихо, но отчетливо, — что вы чудовище?

В комнате повисла тишина. Юристы замерли, не решаясь даже дышать. Анна, стоявшая у двери, побледнела. Только Виктор остался прежним — спокойным, почти расслабленным.

— Я знаю, — ответил он. — Поэтому и предупреждаю.

Мы смотрели друг на друга через стол, и я вдруг поняла: он не шутит. Не играет. Для него все эти пункты — не формальность, а способ защиты. Он строит стену, за которую никому не пробраться. И он готов платить за это любые деньги.

Осознание этого почему-то не разозлило, а... отрезвило. Я опустила обратно в кресло.
— Продолжайте, — сказала я.

Виктор кивнул и перевел взгляд на юриста.

— Огласите оставшиеся пункты.

Седовласый мужчина откашлялся и начал зачитывать. Я слушала, кивая в нужных местах. Финансовые условия, график публичных выходов, обязательства по совместному проживанию, условия расторжения. Слова текли мимо, как вода, — гладкие, безликие, канцелярские. Я думала о другом.

Я думала о матери, которая желала для меня лучшего. О сотрудниках, которые верили в меня. О долгах, которые нужно платить. О том, что будет через год, когда все закончится. И о том, что я только что назвала его чудовищем — а он даже не обиделся.

— Алиса Сергеевна, — голос юриста вывел меня из задумчивости. — Вы готовы подписать?

Я перевела взгляд на Виктора. Он смотрел на меня — все так же внимательно, изучающе.
— У меня будет одно условие, — произнесла я, не отводя глаз.

— Слушаю.

— Если в течение срока действия контракта вы... — я замаялась, подбирая слова, — если вы начнете испытывать ко мне что-то, что выходит за рамки деловых отношений, — вы обязаны немедленно сообщить мне об этом.

Виктор вскинул бровь.

— Чтобы я успела уйти до того, как вы превратите мою жизнь в ад, — пояснила я с холодной улыбкой.

Юристы переглянулись. Анна сделала шаг вперед, но Виктор остановил ее взмахом руки.

— Интересное дополнение, — произнес он задумчиво. — Но излишнее. Я не влюбляюсь. Это не мое... ампула.

— И все же, — настаивала я. — Внесите пункт. Я хочу быть защищена.

Виктор долго смотрел на меня, и в этом взгляде было что-то новое — не раздражение, не холод, а скорее удивление. Будто он впервые увидел перед собой не просто удобную кандидатуру, а человека, способного дать отпор.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Внесем. Пункт будет сформулирован следующим образом: «В случае возникновения у одной из сторон романтических чувств к другой стороне, данная сторона обязана уведомить об этом вторую сторону в течение трех суток с момента осознания указанных чувств». Вас устроит такая формулировка?

— Вполне.

— Тогда, — он кивнул юристу, — подготовьте дополнение и внесите в контракт.

Пока юрист набирал текст, я сидела, глядя на собственные руки, сложенные на столе. Ногти аккуратные, без маникюра — в последние месяцы я сэкономила даже на этом. Интересно, заметил ли он? Или его не интересуют такие мелочи?

— Готово, — юрист развернул ноутбук, показывая новый абзац. — Ознакомьтесь, пожалуйста.

Я прочитала. Формулировка была точной, сухой, без лазеек. Я кивнула.

Тогда Виктор взял ручку — дорогую, черную, с золотым пером — и первым поставил подпись на последней странице. Размашисто, уверенно, без колебаний. Потом подписал каждую страницу, двигаясь методично, как машина. И придвинул папку ко мне.

Я смотрела на документ, чувствуя, как сердце бьется где-то в горле. Вот он. Момент истины. Один росчерк пера — и обратного пути не будет.

Я вспомнила слова матери: «Я просто хочу, чтобы у тебя был кто-то». Вспомнила лицо кредитного инспектора с его «перспективно». Вспомнила команду, которая ждала зарплату.

И подписала.

Сначала последнюю страницу — ту, где стояла подпись Виктора. Потом — каждую из двадцати трех. Рука не дрожала, но в висках пульсировало так, будто я пробежала марафон.

Когда все было кончено, Виктор взял один экземпляр, второй передал мне.

— Поздравляю, — произнес он нейтрально. — С сегодняшнего дня вы — моя жена. По контракту.

— Какая честь, — не удержалась я.

— Не язвите, — он встал, поправил пиджак. — Это приказ.

Я поднялась следом.

— Я не ваша подчиненная, Виктор Анатольевич. И приказов не выполняю.

Он посмотрел на меня — и вдруг уголок его губ едва заметно дрогнул.

— Это мы еще посмотрим, — произнес он. — Анна проводит вас. Официальный выход — через два дня. К этому моменту вы переедете ко мне.

— Что, уже через два дня? — опешила я.

— У нас мало времени. Инвесторы не ждут.

Он вышел из переговорной, даже не обернувшись. Юристы засуетились, собирая бумаги. Анна подошла ко мне с вежливой улыбкой.

— Машина ждет вас внизу. Могу я предложить вам чай перед отъездом?

— Нет, спасибо, — я машинально прижала папку с контрактом к груди. — Я хочу уехать сейчас.

В лифте я стояла рядом с Анной, глядя на тающие цифры этажей, и пыталась осознать произошедшее. Подписала. Действительно подписала. Теперь я — фиктивная жена миллиардера, которого только что назвала чудовищем.

И это только начало.

У выхода из башни я остановилась, посмотрела на серое небо, на морось, на прохожих, спешащих по своим делам. Мир не изменился. Солнце не погасло. Люди не обернулись. Никто не заметил, как одна женщина только что продала год своей жизни.

Телефон завибрировал. Сообщение от Виктора.

«Переезд завтра в 18:00. Адрес пришлет Анна. Вещей много не берите — остальное купим».

Я перечитала сообщение дважды. «Остальное купим» — как будто мы действительно пара, собирающаяся жить вместе. От этого «купим» веяло таким холодом, что я невольно поежилась.

Ответила коротко: «Я возьму только необходимое».

Через секунду пришло еще одно сообщение:

«Пункт №4 вступает в силу с завтрашнего дня».

Я нахмурилась, пытаясь вспомнить. Пункт №4 — «Никаких чувств». Тот самый, о котором он предупреждал с особой жестокостью.

Я усмехнулась про себя и напечатала ответ:

«Не беспокойтесь. Я уже считаю вас чудовищем. Влюбиться в чудовище невозможно».

Я нажала «отправить» и, не дожидаясь реакции, села в машину.

Дождь усиливался. Капли стучали по крыше, по стеклам, по асфальту — ритмично, настойчиво, как будто напоминая: пути назад нет. Обратно дороги не будет.

Я закрыла глаза.

— Домой, — сказала я водителю.

И впервые за долгое время это простое слово прозвучало как-то неправильно. Куда теперь «домой»? В квартиру, где через сутки меня уже не будет? Или в пентхаус, где меня никто не ждет?

Я не знала.

Я знала только, что все мосты сожжены — подписями на двадцати трех страницах. И что завтра я шагну в новую жизнь, из которой нет простого выхода.

Впрочем, разве у меня был выбор?

Глава 4. Переезд в аквариум

Квартира встретила меня тишиной — той особенной, густой тишиной дорогих интерьеров, где каждый звук гасится мягкими поверхностями и плотными шторами. Я переступила порог пентхауса, и дверь за мной закрылась с едва слышным щелчком, отрезав меня от остального мира. Я стояла в просторном холле, сжимая ручку небольшого чемодана, и оглядывалась, чувствуя себя непрошеной гостьей в чужом, слишком правильном пространстве.

Стены цвета топленого молока, пол из серого дуба, редкие предметы искусства на подставках. Ни пыли, ни случайных вещей, ни следов жизни. Будто сюда еще не вселились, а только подготовили к показу. Я невольно поежилась, несмотря на то что в помещении было тепло.

— Ваша комната — в конце коридора направо, — раздался за спиной голос Виктора.

Я вздрогнула от неожиданности, но не обернулась. Он стоял в нескольких шагах позади, и я физически ощущала его присутствие — сдержанное, холодное, чужое.

— Спасибо, — произнесла я, стараясь придать голосу безразличие. — Я найду.

— Анна оставила на кухне ужин. Холодильник заполнен. Если вам что-то понадобится — в горничной зоне есть все необходимое.

— Горничной зоне? — я все-таки обернулась.

Виктор стоял, прислонившись к дверному косяку, — все в том же безупречном костюме, но без галстука, с расстегнутой верхней пуговицей рубашки. Вид у него был усталый, но собранный. Как у человека, который давно разучился расслабляться.

— Место для глажки, стирки, хранения, — пояснил он. — Вы не увидите персонал, но он будет приходить, как я уже говорил.

— Понятно.

Я отвернулась и направилась в указанную сторону. Каблуки стучали по деревянному полу, и этот стук казался святотатством в идеальной тишине квартиры. Я чувствовала спиной его взгляд, но не ускорила шаг. Не дождется.

Комната оказалась неожиданно просторной — гораздо больше, чем я ожидала. Светлые стены, панорамное окно с видом на вечерний город, широкая кровать с белоснежным постельным бельем. Шкаф-купе, туалетный столик, две двери — одна в гардеробную, вторая, очевидно, в санузел. Все новое, безупречное, безликое.

Я поставила чемодан на пол и подошла к окну. От высоты слегка кружилась голова. Я приложила ладонь к холодному стеклу.

— Нравится? — спросил Виктор, появляясь в дверях.

— Высоко, — ответила я нейтрально.

— Двадцать восьмой этаж. Захотите проветрить — нажмите кнопку на панели. Вентиляция принудительная, так что открывать окно не обязательно.

— Я запомню.

Он помедлил, будто хотел сказать что-то еще, но в итоге развернулся и исчез в коридоре. Я осталась одна.

Я распаковала чемодан — немногочисленные вещи, которые взяла с собой: несколько деловых костюмов, пара платьев для выхода, белье, косметика, ноутбук, планшет с чертежами. Разложила по полкам, включила ноутбук, проверила почту. Дела — то, что всегда возвращало мне чувство контроля. Даже здесь, в этом чужом, стерильном месте, работа оставалась моим якорем.

В семь вечера я вышла на кухню. Это было огромное помещение с островом в центре, встроенной техникой и столовой зоной. Виктор уже сидел за столом, перед ним стоял контейнер с едой. Он ел, не поднимая головы, погруженный в экран планшета.

Я тихо прошла к холодильнику, открыла — внутри было все: овощи, фрукты, сыры, готовые блюда. Я взяла салат, налила чай и села за другой конец стола.

Мы ели молча. Единственным звуком было тихое постукивание вилки о фарфор и шорох страниц в планшете Виктора. Я украдкой взглянула на него — он хмурился, явно раздраженный чем-то в документах, и в этом выражении лица было что-то почти человеческое.

— У вас на рукаве нитка, — неожиданно произнес он, не поднимая глаз.

Я взглянула на свою блузку — действительно, на манжете висела тонкая светлая нитка. Я покраснела и поспешно сняла ее.

— Спасибо.

— Не за что.

И снова тишина. Но теперь она была другой — не напряженной, а скорее уставшей. Два малознакомых человека делили пространство, но не жизнь. Таксист и пассажир. Администратор отеля и постоялец.

После ужина я вымыла посуду, аккуратно сложила контейнеры и направилась к себе. Проходя мимо гостиной, я остановилась. Огромный зал с фальш-камином, низкие диваны, стеллажи с книгами. И на одной из полок — виниловые пластинки. Я шагнула ближе, разглядывая корешки: джаз, классика, немного рока. Коллекция подобрана со вкусом. Настоящим, живым вкусом, который так не вязался с этим стерильным интерьером.

— Изучаете? — раздался голос за спиной.

Я обернулась. Виктор стоял в нескольких шагах, сунув руки в карманы брюк.

— Просто смотрю, — ответила я. — Не думала, что у вас есть музыка.

— Почему?

— Не знаю. Казалось, что вы слишком... — я замялась, подбирая слово, — деловой.

Виктор усмехнулся — коротко, сухо.

— Деловые люди не слушают музыку?

— Они не хранят винил.

Он подошел ближе, вытащил одну из пластинок — старый блюзовый альбом, судя по потертому конверту. Повертел в руках.

— Это напоминает мне о времени, когда я еще не был тем, кем стал, — произнес он задумчиво. — Тогда все было проще.

Я молчала, боясь спугнуть момент. Мне вдруг показалось, что передо мной на секунду мелькнул другой человек — не тот, что диктовал мне условия, а кто-то уставший, одинокий, спрятанный глубоко внутри.

— Хотите послушать? — спросил он.

— Не сегодня, — покачала я головой. — Устала.

Виктор кивнул и вернул пластинку на полку.

— Завтра у нас первое совместное мероприятие, — сказал он. — Благотворительный вечер. Я пришлю вам детали.

— Хорошо.

Я направилась в свою комнату и закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной и глубоко вздохнула. Первый день позади. Осталось еще триста шестьдесят четыре.

Утро началось с запаха кофе.

Я вышла из комнаты в половине восьмого и обнаружила, что на кухне уже кто-то был. Но не Виктор — нанятая им приходящая экономка, миловидная женщина лет пятидесяти с короткой стрижкой и энергичными движениями. Она раскладывала свежую выпечку на блюде.

— Доброе утро, — поздоровалась она. — Меня зовут Тамара. Я прихожу три раза в неделю. Кофе готов, яичница на плите.

— Доброе утро, — ответила я, чувствуя себя несколько скованно. — А где... Виктор Анатольевич?

— Уже уехал. У него сегодня ранняя встреча.

Я кивнула и села за стол. Тамара поставила передо мной тарелку, налила кофе. От еды пахло домом — так, как пахло когда-то у бабушки на даче, до того, как все стало сложно.

— Вы, значит, жена? — спросила Тамара неожиданно.

Я поперхнулась.

— Что?

— Ну, Виктор Анатольевич сказал, что теперь здесь будет жить его супруга. Я и подумала — вы.

— А... да, — я постаралась улыбнуться. — Да, я его жена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.